

2. Советская литература — самая влиятельная литература мира

Речь А. М. Горького на закрытии пленума правления союза советских писателей

(Появление М. Горького делегаты приветствуют стоя продолжительной овацией).

— Если сосчитать все время, которое тратится на аплодисменты, то получится страшно много времени. (Смех).

Я думаю, товарищи, вы не потребуете от меня детального и подробного изложения всего, что здесь было сказано, ибо это совершенно невозможно. У меня было слишком мало времени для того, чтобы прочитать все эти очень обстоятельные речи, сделать из них определенные выводы и осветить сказанное на пленуме так, как оно того достойно. Я передам вкратце только впечатление, которое у меня получилось от чтения стенограмм.

Впечатление таково, что, пожалуй, слишком преобладали вопросы профессионального характера над вопросами, так сказать, общего идеологического, социально-политического значения.

В вопросах профессионального харак-

тера, там, например, где речь шла о тематике, недостаточно ярко выступала необходимость расширения и углубления тематики.

Видите ли в чем дело, товарищи. Вот у нас был и есть древний русский крестьянин, воспитанный веками в совершенно определенной обстановке, которая к 20-му столетию оставила его человеком 16—17 столетия. Этот крестьянин, тем не менее, в краткий срок, в 17 лет, сделал фантастический прыжок в 20-е столетие, к социализму. Естественно, что кулак, „мирод“, ростовщик, лавочник должен был оказать всякое сопротивление в каких-то особенно сильных формах, формах трагических. Он и оказывал это сопротивление именно так.

У нас, в нашей литературе, это не проскользнуло. Не удалось нам отобразить людей этой кулацкой психики в одном типе, в крупном образе. Возьмите, например, их способы борьбы. Вы, конечно, знаете их, но, мне кажется, очень

многое ускользнуло от вашего внимания.

Когда, например, кулаки зарывали в землю хлеб, то некоторые из них заметили, что от этого обильно разводятся мыши. Мыши — очень хороший вредитель. Мышь стóит любой стране очень много, а нашей стране — страшно много. Она истребляет хлеба на большие десятки миллионов рублей.

Аргументация врага сильнее нашей, писателей. Мы не отметили этого в драмах и рассказах с должной силой. Мы аргументируем идеями, а они аргументируют делом.

Машины, входя в обиход сельского хозяйства, пугают птиц. Кулак это очень хорошо учел и говорит: „Чорт с ними с этими машинами, добра от них не будет. Птичек насекомоядных распугали — насекомых разведется больше — все равно вред будет!“

Даже и эту мелочь сумели учесть!

Я все время вращаюсь в сфере профессиональной, как оно и следует. И вот я должен сказать, что эта тема — „кулак“ — не дана. Не дан враг в его настоящем виде.

Затем этот враг пережил некоторую эволюцию от убийства своих собственных детей и внучат, от поджогов, от многочисленных убийств селькоров и т. д. до отравления хлеба гвоздями, стеклом и т. д., как это вывисло на последнем процессе Ошкина.

Эта „эволюция“ не была прослежена, а она означает упадок силы сопротивления врага, т. е. поражение его.

Осталась без внимания женщина в ее росте.

Осталось без внимания очень многое, Как я не один раз говорил уже, осталось совершенно без внимания дети. О детях мы почему-то не пишем, а ведь раньше буржуазные писатели писали, и не плохо.

Но если говорить на эту тему, пришлось бы очень многое говорить.

Перехожу к вопросам, непосредственно стоявшим на пленуме. Некоторые лица, возражавшие тов. Беспалову, говорили, что наиболее деятельное участие в создании образа принадлежит бессознательной творческой работе.

Неверно это, товарищи! О бессознательной работе вообще, по моему мнению, нельзя говорить. Нет такой работы, если под термином бессознательной работы не понимать бессознательную мус-

кульную, механическую работу. Человек привык известным образом двигать рукой, и двигает ею, уже не следя за ее работой, зная, что рука научена, не ошибется.

У нас бессознательность смешивается с интуитивностью, т. е. с тем человеческим качеством, которое именуется интуицией и возникает из запаса впечатлений, которые еще не оформлены мыслью, не оформлены сознанием, не воплощены в мысль и образ.

Я думаю, что с очень многими, почти с каждым из вас, бывало так, что они сидят над страницей час, два и все что то не удается, но вдруг человек попадает туда, куда следует попасть, т. е. завершает цепь познанных им фактов каким-то фактом, которого он не знает, но предполагает, что он, должно быть, таков, и даже не предполагает, а просто чутьем думает, что именно таков. И получается правильно.

Это внесение в опыт тех звеньев, которых не хватает писателю для того, чтобы дать совершенно законченный образ — это и называется интуицией. Но называть это бессознательным нельзя. Это еще не включено в сознание, но в опыте уже есть.

Так это надо понимать. Может быть, я ошибаюсь. Тогда, ясное дело, будем оспаривать.

Титул „инженер человеческих душ“ у нас относится к литератору. Я думаю, что критик не менее заслуживает этого титула в том случае, если он работает в согласии и сотрудничестве с литератором.

Чего нам нужно добиться в этом деле?

В той критике критиков, которая была здесь высказана, — в ней очень много дельного и серьезного. Критика действительно помогает нам мало, главным образом занимается изысканиями недостатков в наших произведениях, очень плохо понимает, откуда идут эти недостатки, почему они появляются. Мало или почти совсем не занимается критика языком, не указывает нам на правильное или неправильное строение фразы, на архитектурнику произведения, на логически правильное размещение материала и т. д.

Тем не менее, палку перегибать нельзя — она может дать по лбу. И все-таки за критикой надо признать: кое-что сделано ею и делается.

Разноголосица большая. Она и выражена была на пленуме, и довольно-таки ярко, довольно основательно.

Критика должна чему-то научиться. Она идет все-таки не в ногу с литературой, а если мы отстаем от действительности, так критика тоже отстает от нас и, главным образом, бьет нас по линии идеологической грамоты, что, конечно, правильно, но делается не всегда достаточно убедительно, — следствие некоторой немощности самой критики.

Зато по линии литературной грамотности никакой помощи нет.

Я говорю в данном случае, не исключая себя, потому что я все это испытал на себе. Мне тоже помогали мало, ругали много и плохо, хвалили еще хуже, а помогали — никак.

Совершенно необходим в нашей стране для всесоюзной нашей литературы, которая если еще не стала, то все-таки уже становится учительницей литературы всего мира, — во всяком случае влиятельнейшей литературой мира, — для нее совершенно необходим глубокий и всесторонний контакт с критикой, конечно, грамотной критикой.

Но, видите ли, товарищи, мы не будем иметь грамотной критики до тех пор, покуда не настоим на том, чтобы созданы были грамотные критики и чтобы у нас была история литературы. Нам необходима история литературы, которой нет у нас. Точно так же нам необходима критика, которая недоспела потому, что плохо знает историю литературы и „не в курсе“ той огромной ответственности, которая лежит на ней.

Тов. Беспалов отметил группу критиков, которые, по его мнению, могут активно участвовать, активно помочь нам двинуть вперед работу литературы. Он назвал ряд имен. Я, само собой разумеется, не буду говорить, почему тот или другой не годится. Это вовсе не мое дело, и не в том дело, что тот или другой не годится. Не годится вся критика, которая не отвечает той огромной задаче, которая на ней лежит.

Я смотрю на дело так: природа дала человеку не больше, чем любому из других животных. Все, что создано на земле, — вся культура создана и выработана трудом людей. Но это у нас не усваивается с достаточной широтой и глубиной, не усваивается философское, политическое, педагогическое значение этого факта. Отношение к истории культу-

ры у нас таково же, как и у людей, которые веками привыкли жить чужим трудом и органически не понимают всепобеждающей силы, силы труда. Творческие, организующие качества и свойства человека организованы трудом. Вот это недостаточно усваивается и понимается. А в нашей стране, казалось бы, это должно быть понято особенно, потому что то, что делается человеческим трудом в нашей стране сейчас, — это же совершенно фантастично, сказочно. Мы не умеем охватить всей картины строительства. Мы не знаем, что делается где-то на Колыме, в Ср. Азии, на островах Арктики — везде, где работает страшная созидаящая сила, — страшная по своим размерам, по тем результатам, которые она дает. Нас ненавидят. Нас еще больше будут ненавидеть, потому что мы делаем страшное дело для тех, кому оно — гибель. (Аплодисменты).

У нас какие-то нелады с действительностью. Надо ее шире обнять, глубже понять! Надо глубже войти в нее.

Ведь как-никак, человек 17-го века, русский крестьянин, соскочил со своего нищенского надела — это факт. А вот интеллектуальная часть народонаселения с нищенского надела еще не соскочила. (Смех, аплодисменты).

Это смешно, конечно, но я говорю не шутя, а серьезно. Профессия в известной мере ограничивает человека. Правильно остроумное уподобление Кузьмы Пруткова: специалист подобен флюсу. — Профессия ограничивает. Профессионал ищет главным делом то, что может дополнить его собственное, расширить надел.

Нам, я думаю, следует наши наделы расширить. Наш советский писатель не может быть только профессиональным литератором, это живое лицо, живой, энергичный участник всего того, что творится в стране (Аплодисменты). Он работает буквально везде, это та самая пчела, которая собирает сок со всех цветов, создает мед и воск. Он должен быть везде. Он должен быть вездесущим, всевидящим, ну и... всемогущим, но вот тут, пожалуй... (Смех).

(Демьян Бедный: Всезнающим).

Все понимающим. Он должен быть эоловой арфой, которая всякое движение воспроизводит в хороших звуках.

В области так называемой умственной

деятельности люди принуждены жить как то одиночно, работать также на маленьких наделах, нищенских наделах, и по закону конкуренции каждый, конечно, всемерно оберегает свой надел. Тут происходят разные неприятности.

Мне неоднократно приходилось указывать на ограниченность тематики дореволюционной русской литературы, дореволюционной литературы, буржуазной литературы, которая на самом деле ведь пропустила чрезвычайно много вне линии своей работы и вне своего понимания, пропустила все, хотя бы взять 19 век, — пропустила то разбойничество, как массовое явление, которое началось в стране после 1812 года, после наполеоновских войн, и продолжалось все-таки почти до сороковых годов. Это явление у нас еще не исследовано, мы не знаем ни архивов старых, мы не знаем вообще того, что делалось, — а судебные архивы того времени могли бы нам показать, что очень много. Например, что разбойничьи шайки Верхнего Поволжья каким-то образом были знакомы с весьма отдаленными от них идеями, которые когда-то проводили Болотников, Разин, Пугачев, в этом разбойничестве были элементы бунта социального. Разбойники соприкасались с сектантами поволжскими, уральскими, которые помогали им и наживались на них.

У нас упущен момент внедрения культуры путем всякого кнутаобойства, штыка и т. д., например, картофельные бунты, и целый ряд таких явлений, которые не должны были бы пройти мимо литературы, но прошли. Тут не условия цензуры царской мешали, а та тематическая ограниченность, которая была свойственна дореволюционной литературе.

Есть опасность, что и мы что-то пропустим, а этого нельзя пропускать. Нам предоставлены в распоряжение бесконечные возможности опыта. Критика должна особенно подчеркнуть этот факт, этот порок литературы. Но опять-таки для этого сами критики должны расширить свой житейский опыт, а это достигается, конечно, учебой.

В резолюции вы слышали, что нам критиков надо было бы человек 25, следует создать такую группу, пусть люди учатся год, пусть хорошо ознакомились с историей литературы и проч. и т. д.

Цитировалось мнение Мирского о газетной работе поэтов, о вредном влия-

нии на них. Я думаю, что тов. Мирский прав там, где речь идет о крупных поэтических дарованиях. Такие дарования, конечно, не экономно дробить на фельетоны, на эстрадные песенки и вообще на мелочи. Однако нельзя забывать, что в нашей стране весьма много мелочей, которые являются признаком живучести мешанской, пошлой старины, и что живучесть этих мелочей совершенно поразительна. Вот не угодно ли сопоставить два списка песен, которые исполняются на эстрадах. Обращаю внимание на резкую разницу репертуаров 1931 и 1934 гг., не в пользу последнего.

Товарищи, поэтов — сотни. Крупных поэтических дарований, по-моему, гораздо меньше. Стихи пишут километрами. (Смех). Социальная ценность половины этих стихов, если не больше, очень незначительна. Но она была бы несомненно полезней и значительней, она сыграла бы большую воспитательную роль, если бы молодые поэты шли той дорогой, которой шел Беранже, которой идут французские шансонье. Они откликаются на каждое политическое событие. Посмотрите, как они изобразили 6-е февраля! Есть ряд песенок, где сразу дается „всем сестрам по серьгам“.

А ведь у нас есть чрезвычайно много всяких таких штук, которые должны быть осмеяны, с которыми нужно бороться. Наконец, у нас есть слишком много такого, за что нужно похвалить, и не газетным словом, а искренно, со всем пафосом и тем большим чувством благодарности, которого заслуживают эти люди. У нас есть люди, достойные песен, и все больше становится таких людей. Но вот этого-то у нас и нет. Почему? — Я не понимаю. Нужно, чтобы было. Нужно!

О большой поэзии и больших поэтах я говорить не стану. Я человек в этом деле не осведомленный, я потерял в этом вкус и стихи читаю с большим трудом. (Смех).

Не стану говорить и о драматургии. Во-первых, я вообще себя чувствую малопонимающим в этом деле, в драматургии, а, во-вторых, очень мало бываю в театре, почти не бываю. Но, поскольку мне приходится читать рукописи разных пьес, могу сказать, что в них есть нечто особенное, обращающее внимание: во всех прочитанных мною пьесах общий порок — недостаточная убедительность характеров, отсутствие

в них четкости и ясности. Чувствуется, что характеры, герои создаются не по закону синтеза, не путем отбора наиболее типичных, классовых, групповых, профессиональных черт, а как-то так... очень поверхностно. Люди говорят не те слова и снабжены они, вследствие этого, самими исполнителями — актерами — не теми жестами. Часто бывает, что слово с жестом не согласовывается. Ходит по сцене человек, и не веришь, что был такой.

Народ наш в части языкового творчества очень талантливый народ, но мы плохо с этим считаемся. Мы не умеем отобрать то, что у него талантливо. Вспомните, как прекрасно делает он частушки. Вот я недавно у одного автора нашел такую фразу: „Он поднял руку, чтобы погладить ее по плечу, и в это время его настигла бесстрашная смерть“.

(Смех). Вот как говорят! Эти недостатки являются признаком слабости зрения. Действительность не дается глазу. А ведь нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего. Я эти слова о третьей действительности произношу не ради остроумия, вовсе нет. Они мною чувствуются, как решительная команда, как революционный приказ эпохи. Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать ее. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма.

Для того, чтобы точно и ясно знать против чего воюешь, — нужно знать, чего хочешь. А того, чего мы хотим, мы еще не достигли, оно перед нами. Нужно знать, нужно пытаться шагнуть вперед от настоящего, прекрасного и героического нашего настоящего, еще дальше. Шагали? Шагали. Можем шагнуть? Можем. Нет только какой-то зарядки, какого-то воодушевления, нет этого... чорт его знает, куда оно девалось. Или, может быть, оно еще не выросло?

Критики и литераторы должны понимать, почему отстаем, от чего отстаем, от каких явлений. Не по силе чего, а от чего? Почему надоели современные стулья и на каких стульях хотелось бы сидеть в будущем? То же самое с идеями.

Недавно я прочитал беллетристическое мудрое сочинение. Там речь шла о недостоверности знания, и почему так страдает человек, что он не может определить — конечно ли вселенная или же бесконечна? Страдает так, что забывает надеть галоши, и вот простудился и умер, знаете ли? Умер, несчастный. Вот к чему ведет недостоверность знания!

Часто приходится читать такие произведения, печатные и не печатные, об иллюзорности любовных утех и удовольствий. Признаться сказать, читать такие вещи несколько недовко. Я бы сказал, что даже тяжело, ибо, читая, видишь, что женщина-то, заявившая о себе, как героиня в гражданской войне, женщина, так великолепно проявившая себя во всех областях строительства, — женщина-то все-таки нравится нам днем, когда работает рука об руку с нами, и тогда мы больше уважаем ее, и все такое. А в другое время суток... Ну, об этом можно не говорить. (Смех). Это действительно смешное дело, товарищи, но на этом месте зарождается новая драма. Она зарождается. Она пока еще не отражена новой драматургией, но что она зарождается и что она будет — это несомненно. И нашему сильному полу придется тут немножко потерпеть, и это будет справедливо. Так ему и надо. (Смех).

Должен указать одно, что, несмотря на обилие докладов и остроту дискуссии, и критики и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики, должны заслуживать, которые прошли незаметно. На это самое указывал тов. Серебрянский, что говорили о двух основных произведениях на тему колхоза: о произведении Шолохова и о произведении Панферова. Конечно, это основные произведения, кто это будет отрицать, но есть третья — Шухова „Ненависть“, тоже очень значительное произведение. Есть еще книги, которые как-то прошли незамеченными.

Есть еще одно неудобство нашей жизни: критиков-то можно критиковать, потому что они печатают свои статьи, а вот редакцию? А вот с редакцией хуже. Сидят они там и что-то делают. Это делают негласно, — наговорят они чего-то такое человеку, он уходит, и у него голова на плечах не сидит, ошеломленно качает-

Очень многочисленные жалобы на редакцию приходится слышать и читать в разных письмах. Тут тоже нужно что-то такое сделать с редакциями и с редакторами. Я думаю, что возлагать на редакции работу по обучению молодых едва ли следует, потому что тогда у нас получится разногласия с программой литучебы, выработанной союзом. Нужно все-таки держаться той программы, которая была здесь союзом выработана, — программы для работы с начинающими, с кружковцами.

Как я уже вначале сказал, охватить и оценить все сказанное здесь, на пле-

нуме, я не имею возможности, но потом все это будет разрабатываться и не один раз, и, вероятно, многие будут писать. Во всяком случае, мне кажется, что все-таки сделана не плохая работа, что дан какой-то толчок, как будто что-то сдвинуто и что, вероятно, мы встанем на путь очень плодотворной работы, станем!

Я, собственно, по оптимизму, мне присущему, уверен в этом, а с тем, что здесь было сделано, я вас всех искренно поздравляю и на этом я кончу. (Бурные аплодисменты. Все встают).